

СОЦИОЛОГИЯ ИРВИНГА ГОФМАНА

В.С. Вахштайн

ФРЕЙМЫ КЛАССИЧНОСТИ. ИРВИНГ ГОФМАН КАК «НЕУДОБНЫЙ КЛАССИК» СОЦИОЛОГИИ*

В статье предпринята попытка проанализировать природу социологической классики как феномена «повседневного обихода науки». Некоторые эффекты, возникающие в результате классикализации, интерпретации и реинтерпретации отдельных социологических текстов (а также повышения / понижения символического статуса их авторов), описаны на примере случая «неудобной классичности» — работ Ирвинга Гофмана. Для анализа этих эффектов автор использует категориальный аппарат, предложенный И. Гофманом в теории фреймов.

Ключевые слова: *классичность, неудобная классика, логика рецепции, логика репрезентации, повседневный обиход науки, фрейм, аппреентация, транспонирование.*

Keywords: *classics, embarrassing classicity, logic of reception, logic of representation, everyday framing practice, frame, appresentation, keying.*

Памяти Андрея Владимировича Полетаева...

Данная работа посвящена феномену «неудобной классики» — текстам, признанным классическими, но не находящим себе места в каноне социологии, стоящим в стороне от распространенного понимания

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Классика и классики в социогуманитарном знании» Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ и представляет собой сокращенную версию главы из книги «Теория фреймов и социология повседневности» (готовится к публикации в ЕУСПб). Главным «условием возможности» этого текста стало многолетнее общение с А.Ф. Филипповым, И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым.

классичности и потому не имеющим конвенционального прочтения. Существование таких «неклассически классических» текстов порождает ряд трудностей — *неудобств* — в их использовании, создает предпосылки для многочисленных реинтерпретаций, ни одна из которых в итоге не получает статуса истинной.

Обсуждение природы социологической классики возникает, как правило, в контексте самопрезентации социологии. Самопрезентация науки — элемент ее самоописания, своего рода проекция «вовне» дисциплины конвенциональных представлений о ее предмете, методологии и категориальном аппарате. Закономерно, что осмысление положения социологии в ряду других дисциплин требует «инвентаризации» имеющихся в ее распоряжении теоретических ресурсов и особенно — ресурсов классических. Классические концепции в перспективе дисциплинарной самопрезентации выполняют ориентационную функцию: ответ на вопрос «Что есть социологическая классика?» связан с ответами на вопросы «Что есть предмет социологии?», «Каковы границы социологической дисциплины?», «Чем социологический способ рассуждения отличается от экономического, исторического, юридического или психологического?». Так формируется конвенциональная *модель классичности*.

Модель классичности — это совокупность аксиоматических допущений, на которых основывается ответ на вопрос «Что есть классика?». Выбор в пользу той или иной модели классичности означает представление социологии либо в облике «нормальной науки» (т. е. области знания, скроенной по лекалу естественнонаучных дисциплин), либо в качестве образцовой «науки о духе», предназначение которой — истолковывающее понимание социальной жизни, либо в образе некоей «третьей культуры», элиминирующей само различие гуманитарного и естественнонаучного знания. Моделей классичности существует столько же, сколько логик определения классики и ее места в корпусе дисциплины.

Роберт Мертон, один из наиболее авторитетных апологетов естественнонаучной модели классичности в социологии, в 1947 г. положил начало очередному «спору о классике». Следуя известной уайтхедовской максиме («...наука, не забывшая своих классиков, — бесплодна»), Мертон предостерегает от «сползания социологии в историческую систематику» (Merton 1967: 1–38). Экзегеза классических текстов, стремление сохранить их в качестве элементов «живого», непосредственного опыта современной науки, по мнению Мертона, препятствуют кумулятивному накоплению знания, лишая социологию подлинной научности.

Естественнонаучная модель классичности, вопреки максиме Уайтхеда, отнюдь не предполагает непременно забвения классики. Однако в ней корпус классических работ составляют «экземпляры»: исследования и эксперименты, примеры успешных решений эмпирических задач. «Хоуторнский эксперимент», «“Янки-Сити”», «парадокс Лапьера» — вот лишь несколько конвенциональных экземпляров, закрепившихся в каноне социологических изысканий, как свидетельства родства социологии и естественных наук. Стоит добавить, что время в такой модели линейно, а потому «классика экземпляров» не знает возвращения, перечитывания и толкования канонизированных текстов. Экземпляры требуют от исследователя не воспроизводства, а преодоления.

После атаки Мертона спор о классике в социологии движется по накатанной колее противопоставления естественнонаучной и гуманитарной моделей классичности. В свете этой бинарной оппозиции вопрос о специфичности социологической классики не поднимается: либо классика социологии — это «классика экземпляров» и тогда место социологии в ряду «нормальных наук», либо это «классика экзегезы» и тогда социология являет собой разновидность герменевтики. Собственно, ни одна из двух этих логик определения классичности не является для социологии «своей», укорененной в культуре социологического мышления. А потому спор о классике ведется в рамках универалистских конвенций, на «метадисциплинарном» языке — традиционные концепты социологии («статус», «роль», «институт») остаются в стороне, когда речь заходит о самой социологии.

Вряд ли сегодня можно с точностью определить, кому именно принадлежит сомнительная честь перевода проблемы социологической классики на язык социологии и разоблачения «подлинно социальной» природы классичности. Этот ход — обнаружение за исследуемым предметом скрытых, детерминирующих его социальных факторов — столь характерен для социологического теоретизирования, что сам вопрос об авторстве подобной постановки вопроса кажется неуместным.

У социологизма (как наиболее социологического из всех способов рассуждения о классичности) есть предельно конкретный ответ на вопрос о природе классики. *Классичность — это конвенция, результат соглашения.* Основания конвенции следует искать в первую очередь в социальных обстоятельствах рецепции идей и наделения их статусом классических.

Логика рецепции

Многие распространенные сегодня определения социологической классики включают в себя отсылку к механизмам рецепции и последу-

ющей классикализации канонических работ. Данная логика (далее мы будем называть ее *логикой рецепции*) представлена в большинстве академических споров о природе классичности в социологии (см., напр., статью Р. Коннела (Connel 1997) и комментарий Р. Коллинза (Collins 1997). Среди объемных монографий, посвященных жизни и творчеству признанных авторитетов социологии, трудно найти такие, в которых не была бы задействована подобная логика анализа.

Отличительный признак рецепционистской перспективы — аргументация «от социальных обстоятельств», т. е. наделение чрезвычайным значением самих обстоятельств усвоения идей будущего классика. Так, становление школы Э. Дюркгейма (и вместе с ней — успешная институционализация социологии во Франции) объясняется политической близостью Дюркгейма к лагерю «оппортунистов», занимавших промежуточные позиции между «либеральными прогрессистами» и «консервативными католическими кругами» (Wagner 1995). Не менее характерным для данной логики анализа представляется аргумент Вольфа Лепениеса: Дюркгейм сумел занять выгодную позицию в деле Дрейфуза, и это в немалой степени способствовало росту популярности социологизма (Lepenies 1988).

Логика рецепции одинаково хорошо объясняет успехи и неудачи классикализации. Например, труды Георга Зиммеля, отмечает Д. Левин, не были усвоены американским академическим сообществом из-за досадного недоразумения: Т. Парсонс намеренно исключил из своей «Структуры социального действия» фрагмент, целиком посвященный разбору зиммелевской концепции. Виной тому послужило соперничество Парсонса с Беккером — апологетом социологических идей Зиммеля. Таким образом, успешная классикализация самого Т. Парсонса означала для Г. Зиммеля забвение (Levine 1991). Можно предположить, что если бы вместо Парсонса канонизировали Беккера — пантеон классиков социологии сегодня выглядел бы совершенно иначе.

Основная трудность подобного решения «проблемы классики» состоит в том, что за скобками остается само содержание классических работ. Все внимание уделяется их прочтению, признанию и валоризации. Исследование классики подменяется в данной логике изучением «институтов классикализации» и «механизмов валоризации» — своего рода подпольной индустрии конвенций. (Подпольной, потому что конвенциональная природа классичности должна быть скрыта от участников научных ритуалов подобно тому, как социальная функция жертвоприношения скрыта от членов племени).

Поиск скрытых социальных сил, стоящих за исследуемым предметом и определяющих его подлинную (т. е. социальную) сущность, — это

визитная карточка социологии, отличительная черта социологического рассуждения. Социологизм, укорененный в социологическом мышлении, позволил утвердиться в социологии *замкнутой модели классичности*. Основанием такого «замыкания» послужил дюркгеймовский императив «объяснения социального социальным». Можно предположить, что «замыкание» модели классичности, которое мы наблюдаем в социологии, не уникально — существуют и иные разновидности этого способа рассуждения. Яркий пример: замкнутая психологистская модель объяснения, которая объясняет классичность психическими особенностями автора-классика (более подробно об этом см.: Классика и классики... 2009).

Всякая редукция, аналогичная социологистскому или психологистскому способам рассуждения, в исследованиях науки неудовлетворительна, поскольку подчиняет классичность «внешним» факторам детерминации — будь то «социальное бытование идей» или «психотип автора». Это экстернализация классики. Однако неудовлетворительной в социологизме оказывается не только экстернальность. Вряд ли интерналистская перспектива анализа, — в которой причины классикализации того или иного автора атрибутируются исключительно содержанию его трудов — окажется достойной альтернативой социологизму.

Несостоятельной нам представляется любая *замкнутая модель классичности*, постулирующая: «Классика — это X, X должно объясняться через X». Подобная «петля в объяснении» исключает какую бы то ни было возможность построения «моста» между миром идей и миром их социального обращения. Однако прежде чем перейти к обоснованию необходимости такого «моста», следует вернуть в спор о классике содержание классических работ, отвлечься от обстоятельств рецепции, трансцендировать социологизм. Одним словом, нужно вернуться к «самим» текстам». Для этого необходима иная — *социологическая, но не социологистская* — логика анализа классического наследия. И, следовательно, другая — *консистентная, но не замкнутая* — модель классичности.

Логика репрезентации

До определенной степени альтернативой логике рецепции является *логика репрезентации*. Если социологизм акцентирует «социальное происхождение» классики, то логика репрезентации подчеркивает знаковую, репрезентативную ее природу. Описывая различные аспекты классичности, немецкий историк К. Кёнке сформулировал основной тезис этой логики следующим образом: «Подлинная классичность состоит, быть может, в том, что некоторому лицу и его произведениям сообщает-

ся как бы надындивидуальное значение, так что этот человек оказывается одновременно типом и репрезентантом чего-либо, но при этом ничуть не теряет своей личной значимости» (Köhnke 1996: 15).

Утверждая, что имя классика в повседневном обиходе науки есть «знак», мы указываем на связь этого имени с некоторым комплексом идей, включенных в корпус наличного знания социологического теоретизирования, а также с другими именами. Наличное знание (knowledge in hand) означает в данном случае знание непроблематичное, очевидное. Это «общие места» социологического рассуждения. Чем очевиднее и непроблематичнее такое знание — тем авторитетнее классик. Поэтому «исследователи» редко читают и перечитывают авторитетного классика. Его концепты не требуют дополнительного переосмысления и новой операционализации, они уже составляют общее место рассуждения.

Этот парадокс частично объясняет то, каким образом значительная часть советского социологического сообщества, не читая Парсонса, оказалась в числе правоверных парсонсианцев. Имя Парсонса не только репрезентировало привычные понятия «социальной стратификации», «институтов», «систем» и «функций», но «...было олицетворением социологии как таковой» (А.Ф. Филиппов). Аналогичным образом дело обстоит со многими классическими ходами мысли, включенными в запас наличного знания социологического рассуждения: «классоцентричные» объяснительные модели формулируют те, кто никогда не читал Маркса, к ценностно-рациональной мотивации экономического поведения апеллируют те, кто никогда не читал Вебера. Знание первоисточников не требуется для развития заложенных в них тезисов, если тезисы эти уже пущены в «обращение» и обладают высокой «ликвидностью» в регулярных научных коммуникациях.

Классик в повседневном обиходе оказывается не создателем, а репрезентантом определенной совокупности теоретических установок, догматических интенций, фундаментальных различий, моделей рассуждения, типов используемых данных и методов работы с ними. Имя классика может выступать и в качестве *символа* (тогда имеет место отсылка к «надындивидуальному значению», о котором пишет Кёнке), и в качестве *индекса* (и тогда это ассоциативная связь: говорим «Мосс», подразумеваем «Дюркгейм»).

Не задаваясь пока вопросом о причинах установления такой репрезентативности, попытаемся выделить необходимый минимум связей, которые обеспечивают имени классика непроблематичное хождение в мире социологического дискурса.

Поддержание «классической репрезентативности» зависит от трех типов связей. Во-первых, от *внутренней согласованности*. Создателям

теоретических систем, в которых каждое понятие связано с каждым другим, схема рассуждений ясна и непротиворечива, а аргументация выстроена по правилам формальной логики (Э. Дюркгейм), проще войти в пантеон классиков, нежели выдающимся эмпирикам, добившимся заметных результатов в наблюдении социальной реальности, но не выстроивших с использованием этого материала никакой фундаментальной теоретической конструкции (П. Лазарсфельд).

Во-вторых, «классическая репрезентативность» зависит от *внешней согласованности* — т. е. от встроенности предложенного теоретического аппарата в корпус социологического знания и, что особенно важно, от его согласованности с аксиоматическим ядром дисциплины. Так, теоретические конструкции М. Вебера, Т. Парсонса и К. Маркса до сих пор успешно применяются в исследованиях социальной стратификации. Притом, что предлагаемые в этих подходах интерпретации исследуемого предмета противоположны и взаимоисключающи, ни один из них не подвергает сомнению основную аксиому стратификационных изысканий — существование социального неравенства как такового.

Не меньшее значение имеет третий тип связи — связи хорошо распознаваемого и встроенного в корпус социологии комплекса идей с *именем* классика. Имена «Дюркгейм», «Вебер», «Парсонс» становятся маркерами теоретических комплексов «социологизм», «понимающая социология», «структурный функционализм» и ассоциированных с ними построений. Эта связь делает излишним чтение самих классиков, их имена лишь маркируют общие места в научной дискуссии.

Наличие всех трех типов связности (внутренней, внешней и ассоциативной) делает автора той или иной концепции «удобным» классиком. Его имя недвусмысленно отсылает к определенной логике рассуждения, сама эта логика внятно распознается на фоне иных теоретических конструкций, и, что не менее важно, — не возникает противоречия между данной логикой и фундаментальными аксиомами социологического мышления.

Напротив, признание классическими работ, не удовлетворяющих этим условиям, создает неудобства для их интерпретации: невозможность идентификации всех идейных источников и задействованных теоретических ресурсов, разрозненность и фрагментарность исследований, трудности развития тезисов, не соотнесенных с традиционной аксиоматикой. Таковы отличительные черты неудобной классики.

Неудобная классика и наследие Ирвинга Гофмана

Существование неудобной классики бросает вызов истории дисциплины, затрудняя классификации «парадигм» и «подходов». По сей день

неудобная классика остается слепым пятном метатеоретизирования, не вписываясь в конвенциональные бинарные оппозиции (реализм/номинализм, объективизм/субъективизм и т. д.). Она стоит в стороне от процесса накопления научного знания, каким он описывается, например, в концепции Т. Куна: неудобная классика как таковая не опрокидывает прежних конвенций и ничего не предлагает взамен устоявшейся картины мира. Ее предназначение — стимулирование социологического воображения, повышение чувствительности к тонким различиям (сенсибилизация науки), обозначение пределов социологического теоретизирования.

Именно поэтому неудобная классика не укладывается в различие «старого» и «нового» классического наследия. Для теоретической социологии Георг Зиммель — некогда записавший в своем дневнике: «Наследство, которое я оставляю, похоже на разменный чек; деньги распределены, и каждый вкладывает свою часть в то дело, которое соответствует его натуре, забывая, чем он обязан этому наследству» (Georg Simmel 1958: 195) — так же удобен в качестве классика, как и Ирвинг Гофман — вероятно, самый противоречивый из современных теоретиков, вошедших в пантеон социологической классики.

Практически все работы И. Гофмана, посвященные скрупулезным наблюдениям повседневных социальных взаимодействий, вызывали неоднозначную реакцию академического сообщества. Основной вопрос разгоравшихся споров — можно ли считать Гофмана социологом, и если да, то является ли его подход, «балансирующий на грани между публицистикой, философией и этнографией», органической частью социологической традиции?

В 1972 г. в одном из обзоров «New York Times Book Review» Гофман был назван «самым видным из ныне живущих писателей», имеющим наибольшие основания называться «Кафкой нашего времени» (Berman 2000: 135–143). Другой рецензент из «The Sociological Quarterly» утверждал, что Гофман «просто сочиняет романы, в которых гротеск переводится на уровень китча» (Aronoff 1973). Сходным образом Клиффорд Гирц отнес теорию Гофмана к «мутным жанрам» общественной мысли, которая более не полагает концептуальную ясность своим идеалом (Geertz 1983: 23–24). Эксцентричный стиль гофмановского повествования привел к росту популярности Гофмана-писателя, но поставил под сомнение научность его концепции.

По сути, подозрения в «несоциологичности» с Гофмана были сняты только к моменту избрания его на пост президента Американской социологической ассоциации в 1981 г. (Хотя и после этого теоретическим

построениям социальной драматургии нередко отказывали в праве называться теоретическими). Сам Гофман старательно уклонялся от навешивания на его теорию легко распознаваемых «ярлыков» и относил свои работы поочередно к «городской этнографии Эверета Хьюза» и «социальной психологии Джорджа Герберта Мида», периодически заявляя о приверженности символическому интеракционизму, структурному функционализму, чикагской традиции и теории игр. Описав и проанализировав процесс «лейблинга» (навешивания «ярлыков») в повседневной социальной жизни, он отказывался давать определения своему подходу, опасаясь стать жертвой «лейблинга» в повседневном обиходе науки.

Почитатели и биографы после смерти Гофмана с прискорбием констатировали, что «никакой “-изм” или “-логия” не связаны с его именем» (Fine, Manning, Smith 2000: 11).

Таким образом, теоретические построения Гофмана оказались лишены тех устойчивых связей, которые позволили бы говорить о бесспорной классичности их автора. Самое очевидное: отсутствие *ассоциативной связи* между именем Гофмана и теми яркими, но разрозненными концептуализациями повседневной социальной жизни, которые сегодня становятся общими местами социологического теоретизирования. Понятия «стигмы», «тотального института», «фрейма» находят широкое применение в теоретических изысканиях, но не отсылают к имени Гофмана, не репрезентируют его классичность.

Вторая «несогласованность» — теоретические построения Гофмана с трудом допускают *возведение к аксиоматическим основаниям социальной науки*. Гофман сознательно превращает аксиомы в проблемы, подвергает сомнению то, что для блага дисциплины должно находиться «вне подозрений». Так, в картине мира, нарисованной Гофманом, люди руководствуются отнюдь не стремлением к достижению собственных целей и не вбитыми в них социализацией императивами, а легкомысленным желанием произвести хорошее впечатление на других (так называемая «экспрессивная интенция» социального действия). Социолог может допустить, что человек по природе своей корыстен или, напротив, альтруистичен, добр или зол, рефлексивен или запрограммирован воспитанием — и ни одно из этих априорных предположений не мешает построить собственно социологическую теорию, потому что каждый из этих выборов встроен в одну из традиционных логик понимания социальной жизни. Однако утверждение идеи «производства впечатлений» как основания общественного порядка не вписывается в ряд аксиом социологического мышления.

Впрочем, и само существование общественного порядка проблематизируется Гофманом. Если для столь разных авторов, как О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Т. Парсонс, П. Бурдьё признание социального порядка представляет собой отправную точку анализа, то для И. Гофмана наличие «Общества» — искомое решение, а не условие задачи. Задача же состоит в том, чтобы найти в кажущемся хаосе повседневных взаимодействий *основания* этого порядка. «Общество», со всеми его «институтами», «системами деятельности» и «социетальными структурами» более ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено в перспективе реальности повседневного мира.

Наконец, третья отличительная характеристика творческого наследия Гофмана — *«внутренняя несогласованность»* его работ. Теоретические построения Гофмана не образуют в своей совокупности никакой стройной системы. Концептуальные различия привлекаются им из антропологии, лингвистики, психологии, этологии, теории музыки, театрального искусства и кинематографа для описания частных случаев повседневных интеракций.

В то же время, есть очевидная связь между «внутренней несогласованностью», «гипертрофированным вниманием к частностям» и тем, что используемые Гофманом теоретические различия не являются исконно социологическими. Подобный эклектичный, на первый взгляд, импорт концептов обуславливает одно из самых серьезных неудобств использования результатов гофмановских исследований в последующих теоретических изысканиях. Развитие отдельных, предложенных Гофманом тем, с опорой на его же концептуальный аппарат, приводит к загадочной «миграции» понятий: импортированные из некоторой смежной области, обогащенные теоретическими ресурсами социологии, они обнаруживают тенденцию к экспорту в другие дисциплины.

Например, понятие «фрейма», заимствованное из теории коммуникации Г. Бейтсона, экспортируется затем в когнитивно-ориентированные исследования речевого поведения, когнитивную психологию и когнитивную лингвистику (Р. Шэнк и Р. Эбельсон). Комплекс понятий «стратегического взаимодействия», разработанных И. Гофманом с привлечением аппарата теории игр, возвращается в экономические работы, под влиянием которых и был некогда создан (Т. Шеллинг). Концепты, закрепленные Гофманом в языке социологии, пролиферируют, не только перекочевывая в области своего прежнего обитания, но захватывая новые ареалы в лингвистике, психологии, когнитивистике. Даже те понятия гофмановской теории, которые не покидают границ социологической дисциплины, более всего оказываются вос-

требуемыми в «приграничных» областях: концепция «стигмы» становится теоретическим ресурсом социологии этничности, понятие «тотального института» (не без влияния М. Фуко) закрепляется в исследованиях пенитенциарных систем, идеи фрейм-анализа активно используются в социологии времени (Э. Зерубавель) и конверс-анализе (Э. Шеглофф).

Такая «мобильность концептов» гофмановской теории, их частая миграция между дисциплинарными и предметными областями заставляет вспомнить правило, некогда сформулированное Гофманом применительно к организации повседневной жизни: *наибольшим потенциалом трансформации обладают те формы взаимодействия, которые сами являются результатами трансформации* (Гофман 2003: 140–142). Социологам повседневности это правило позволяет понять, почему превращению, моделированию и симулированию чаще подвергаются уже «превращенные» формы активности.

Так, спортивным состязанием скорее станет бег или бокс (трансформация «погони» и «драки»), нежели мытье посуды. В компьютерной игре с большей вероятностью будет смоделирована гонка «Формулы-1» или битва из «Звездных войн», а не переход улицы на зеленый сигнал светофора. В студенческих капустниках чаще обыгрываются ритуализованные элементы учебы (общение с преподавателем на экзамене) и значимая атрибутика (зачетная книжка, диплом), нежели обыденное содержание студенческой жизни (конспектирование лекций). Эти разновидности трансформации Гофман называет «переключениями». Там, где уже имеет место переключение, повторная трансформация более вероятна. Применительно к научной коммуникации данное правило означает: те концепты, которые не являются «исконно социологическими», а заимствованы из других «словарей описания» — например, из словаря обыденной речи или из словаря других дисциплин — более подвержены пролиферации (расширению «ареала» использования), становясь предметом последующих трансформаций.

Неудобная классика как теоретический ресурс: стратегии прочтения

Выше мы описали три типа связей, наличие которых делает классика «удобным», а отсутствие — создает ряд специфических неудобств в повседневном обиходе науки: имя неудобного классика не отсылает к предложенным им концептам, концепты не отсылают друг к другу и не репрезентируют традиционных стилей социологического мышления. Неудобного классика трудно назвать «ярким представителем» традиции, школы, направления или подхода. Неудобная классика — это классика без выраженной репрезентации.

Таким образом, неудобная классика социологии, игнорировать которую невозможно, а рассматривать в связи с другими классическими концепциями затруднительно, оказывается исключительно затратным теоретическим ресурсом. Ее использование ставит теоретика перед выбором: или встраивание неудобных работ в корпус социологического знания, запоздалое восстановление связи с той или иной традицией (а через нее — с аксиоматическим ядром дисциплины), или, напротив, сознательное революционизирование неудобной классики. В этом и состоят две основные стратегии прочтения работ неудобного автора: *революционизирование* и *ассимиляция*.

Революционизирование как стратегия интерпретации неудобного наследия связано с акцентированием его критического потенциала. Неудобная классика переживает ренессанс всякий раз, когда под сомнение ставится достигнутый прежде теоретический консенсус. Она оказывается источником новой метафорики, механизмом переосмысления всего классического наследия. Попытки революционизирования неоднократно предпринимались в отношении неудобных работ Г. Зиммеля (Weinstein M., Weinstein D. 1993) и Дж. Г. Мида (Joas 1991). Другим показательным в этом отношении примером является стремление Б. Латура преодолеть наследие классического социологизма, противопоставив ему работы неудобного классика социологии Г. Тарда (якобы несправедливо вытесненного с социологического Олимпа удобным классиком Э. Дюркгеймом: Latour 1999).

Революционизирование — это всегда определенное насилие над текстами классика и, более того, над его образом в глазах потомков. Интерпретаторы настойчиво доказывают: «классик Z остался непонятым, потому что опередил свое время, в его работах скрыто знание, к принятию которого наука готова только сейчас, новое прочтение Z позволит отринуть укоренившиеся в социологическом мышлении ложные предпосылки». Так, Г. Зиммель становится «постмодернистом» (в силу последовательного релятивизма своей концепции), а Г. Тард (благодаря своей критике социологизма) — провозвестником нового теоретического консенсуса. При этом не только работам классика сообщается революционное звучание, но и сам классик предстает теперь перед нами как «человек вне времени», «пророк и провидец», скорее всего, непонятый современниками.

Неудобная классика все же дает интерпретаторам некоторые преимущества. Во-первых, у неудобных классиков нет прямых наследников (получив по завещанию разменный чек, они не претендуют на фамильный особняк), а, следовательно, всякая новая трактовка потенциально истинна. Во-вторых, не встроенные в корпус социологического знания

работы действительно могут стать точкой опоры для ревизии традиционных социологических аксиом. Каким бы ни был критический потенциал неудобной классики, в ходе последующего революционирования он заметно прирастает.

Работы Гофмана крайне редко использовались в качестве инструмента теоретической ревизии и предмета революционирования*. Чаще к ним применялась другая стратегия — стратегия *ассимиляции*. Ассимиляция предполагает «обустройство» неудобной классики, превращение ее в классика удобную. Для этого необходимо восстановление всех трех типов согласованности, упомянутых нами выше.

Прежде всего, от интерпретаторов-ассимиляторов требуется увязывание разрозненных работ в единую теоретическую схему. Применительно к исследованиям Гофмана такую попытку предпринял Э. Гидденс: «Следует детально проанализировать и возразить некоторым неверным толкованиям Гофмана. Он настоятельно нуждается в защите от докучливых притязаний его поклонников. Зачастую Гофман воспринимается как идиосинкразический наблюдатель социальной жизни, чья чувствительность в отношении того, что мы называем практическим и дискурсивным сознанием, происходит скорее от комбинации высокого интеллекта и игривого стиля, нежели является производной согласованного подхода к социальному анализу. Это весьма обманчивая и неопределенная причина, по которой Гофман *в большинстве случаев* (курсив мой — В.В.) не причисляется к разряду социальных теоретиков, заслуживающих особого внимания. В любом случае подчеркнем, что работы Гофмана представляются нам в высшей степени систематичными, и именно это серьезно определяет их интеллектуальное могущество» (Гидденс 2005: 123. Более подробно см.: Giddens 1988).

Вторая связь, которая должна быть восстановлена ассимилирующей интерпретацией — связь с классической традицией. Для этого сначала необходимо указать на зависимость неудобных работ от фундаментальных проблем дисциплины, а затем и от традиционных решений этих проблем, предложенных другими классиками. Так, описанная нами выше идея экспрессивной интенции в работах Гофмана влечет за собой ряд неудобств в использовании — она плохо согласуется с фундамен-

* Один из немногих примеров — апелляция А. Гоулднера к Гофману как к «предвестнику кризиса социологической науки». Другой пример: рассмотрение Пьером Бурдьё микросоциологической теории Гофмана в качестве вызова консервативному позитивизму академического истеблишмента. См.: (Bourdieu 1983).

тальными социологическими аксиомами рациональности действующего. Следовательно, нужно попытаться связать эту идею с классической постановкой проблемы, с базовой социологической концептуализацией, показать, что картина мира, в которой людьми больше не движет расчет и стремление к достижению поставленных целей, не лишает нас возможности рассуждать об этом мире социологически.

Подобную попытку восстановления *аксиоматической релевантности* гофмановских работ предпринимает Алвин Гоулднер. «Драматургическая модель, — пишет он, — отражает новый мир, в котором средний класс более не верит в пользу прилежного труда или в то, что успех зависит от прилагаемых усилий. В этом новом мире остро чувство иррациональности отношения между достижениями человека и получаемым вознаграждением, между действительными заслугами и социальной репутацией. Это мир дорогих голливудских звезд и рынка акций, цены которых слабо связаны с приносимой ими прибылью... Люди теперь производят не вещи, а впечатления» (Gouldner 2000).

Благодаря такой переформулировке предложенное Гофманом описание социальной реальности как «мира сценической игры» более не выглядит карикатурой на классические образы мира в социальной теории, а встраивается в ряд этих образов: «мир игры» — это своего рода апгрейд «мира производства», социологическая модель исторически новой формы утилитаризма и источник новых форм отчуждения.

Выбор традиции как ассимиляция: «Гофман Ирвинг — ...»

Восстановления одной лишь аксиоматической релевантности недостаточно. Для успешной ассимиляции необходимо восстановить связь неудобных работ с существующими традициями социологического теоретизирования. Одно лишь перечисление таких попыток применительно к работам Гофмана заняло бы несколько страниц: «яркий представитель современного американского структурализма», «выдающийся символический интеракционист», «семиотик от социологии», «создатель новой феноменологической социальной науки», «провозвестник этнометодологического поворота», «наследник традиций Чикагской школы», «представитель американского неопрагматизма» и т. д. (попытка обобщения и анализа таких интерпретаций была сделана нами в: Вахштайн 2004).

Среди тех, кто включился в символическую борьбу за право ассимиляции гофмановских работ, особенно выделяются представители интеракционистской и структуралистской социологических традиций. Однако и те, и другие в своем стремлении утвердить «правильный взгляд»

на Гофмана используют сходные приемы ассимилирующей интерпретации: две традиции противопоставляются друг другу, демонстрируется их радикальная несовместимость, после чего в гофмановских текстах выделяется несколько концептов, которые «неопровержимо» свидетельствуют в пользу его принадлежности к одной из них.

Для интерпретаторов-интеракционистов такими маркерами являются концепты «определение ситуации», «взаимодействие», «роль», «идентичность». Для интерпретаторов-структуралистов — «фрейм», «структура коммуникации», «переключение», «матрица событий». Первая группа *концептов-маркеров*, по большей части, берется из ранних работ Гофмана, вторая — из поздних его сочинений.

В 1977 г. в статье «“Ситуация” против “Фрейма”»: “интеракционистский” и “структуралистский” анализ повседневной жизни» Джордж Гонос выступил с критикой интеракционистского прочтения гофмановских работ. С его точки зрения, Ирвинг Гофман — яркий представитель современного американского структурализма. «Мы не отрицаем, что в творчестве Гофмана есть фазы и происходил ряд изменений, — пишет Гонос. — Однако наш центральный тезис состоит в том, что у Гофмана всегда были серьезные разногласия с интеракционистами, относящиеся к природе и происхождению личности, роли субъективных ориентаций акторов и т. д. ...Концепты “ситуации” и “фрейма” представляют две противоположные парадигмы, использующиеся для изучения повседневности, но каждая из которых должна быть рассмотрена как дериват классической социологической традиции. “Ситуация” — это пароль к интеракционистскому (или социально-активистскому) подходу, основывающемуся на базовых принципах веберизма, тогда как “фрейм” апеллирует к категориальному аппарату, которым Гофман обязан Дюркгейму» (Gonos 2000: 34).

Сам Гофман, вероятно, немало удивился бы тому факту, что понятием «фрейм» он обязан Э. Дюркгейму, а не Г. Бейтсону. Концепция Дюркгейма в равной степени далека и от проблематики теории фреймов, и от утверждаемой ею метафорики (а идея «фрейма» столь же далека от задач дюркгеймовского социологизма). Но интерпретатору-структуралисту Дж. Гоносу требуется продемонстрировать:

- 1) связь работ Гофмана с классической традицией;
- 2) связь работ Гофмана с *нужной* классической традицией.

Бейтсон для этой цели не подходит. Дюркгейм — гораздо удобнее...

Следует подчеркнуть: конфликт интерпретаций работ Ирвинга Гофмана и военные действия, развернутые их интерпретаторами, отнюдь не являются лишь атрибутами символической борьбы за право распоряжаться гофмановским наследием. Иными словами, интерпре-

тация — не чисто стратегическое действие, подчиненное императиву «максимального выигрыша»: приобретению имени и статуса, укреплению позиций научной школы (в таком духе о соперничестве интерпретаций мог бы высказаться радикальный социологист). За описанными выше интеракционистскими и структуралистскими интерпретациями легко угадывается проблема соотношения концептов «структуры» и «взаимодействия» в работах самого Гофмана. Гофман (намеренно?) оставляет решение этой проблемы интерпретаторам. Поток человеческого взаимодействия и «форматирующие» его факторы попеременно попадают в фокус рассмотрения исследователей творчества Гофмана и в зависимости от того, что именно на данный момент подлежит анализу, — деятельность или фрейм, взаимодействие или его формат — создается иллюзия пересмотра всей концепции социальной драматургии.

Каждая следующая контекстуализация неудобной классики — помещение ее в очередной теоретический контекст — прельщает интерпретаторов перспективой обнаружения нового ресурса теоретизирования. Неудобная классика всегда окружена ореолом «недопонятости», поэтому поиски скрытых связей между недооцененным классическим наследием и уже оцененными по достоинству теоретическими построениями не прекращаются.

Выше мы описали восстановление аксиоматической релевантности и выбор традиции как два приема встраивания имени неудобного классика в ряд классиков удобных. В совокупности с «систематизацией наследия» эти приемы нацелены на восстановление двух типов связей: внутренней концептуальной связности неудобной классической теории (каждое понятие отсылает к каждому другому) и внешней связности (связи с аксиоматическим ядром дисциплины и легитимными традициями рассуждения).

Наконец, последний тип отношений, который должен быть восстановлен для того, чтобы ассимиляция неудобной классики состоялась, — отношения репрезентации между именем классика и предложенными им концептами. Это своего рода попытка вновь собрать все суммы, истраченные по разменному чеку небережливыми наследниками. Такая «забота об имени» часто связана с восстановлением авторитета неудобного классика («...понятие “стигмы”, столь востребованное в современной социальной психологии, уже почти не связано с именем Гофмана, а ведь именно он... » или «...в действительности понятие “тотального института”, которое сегодня привычно ассоциируется с именем М. Фуко, закрепилось в обиходе социологии благодаря Ирвингу Гофману»).

Но, как правило, ассоциативная связь «имя — понятие» восстанавливается очень избирательно, опять же в контексте многочисленных интерпретаций. В зависимости от выбранной перспективы ассимиляции с именем Гофмана удобней ассоциировать либо понятие «самопрезентация» (интеракционистская перспектива), либо понятие «фрейм» (структуралистская перспектива).

Проблема референции и знаковая природа классичности

Вопрос, на который у выбранной нами логики рассуждения нет ответа в непротиворечивой и законченной форме — это вопрос «почему концепции, подобные гофмановской, все же признаются классическими?». Логика рецепции вообще не делает различий между удобными и неудобными текстами (классичность теорий здесь в наименьшей степени связана с их содержанием), но она, по крайней мере, отвечает на основной вопрос спора тезисом «классика — это конвенция». Логика репрезентации возражает: «классика — это репрезентация» и, казалось бы, тут же опровергает свой собственный тезис, указывая на существование нерепрезентативной классичности.

Конечно, здесь есть соблазн сказать, что неудобная классика, лишенная всех упомянутых типов связности, — это как раз то самое исключение, которое только подтверждает правило. *В норме* классика основывается на императивах внутренней и внешней согласованности, но есть отдельные случаи канонизации авторов, чьи работы не удовлетворяют этим требованиям. Отсюда все неудобства их прочтения, использования, интерпретации. Впрочем, такое решение лежит на поверхности и больше напоминает отговорку.

Вернемся к исходной точке рассуждения — к повседневному обиходу социологии. В чем причина популярности Ирвинга Гофмана и неугасающего внимания к его работам?

Имя Гофмана редко упоминается в связи с его теоретическими построениями. (К сходному выводу приходят и некоторые современные исследователи творчества И. Гофмана. Например, Ч. Лемерт в своей статье «“Гофман”» замечает: «Слово “Гофман” в памяти теоретика пробуждает рассуждения столь особые, что он вряд ли знает, как с ними поступить» (Lemert 1997: IX)). Значительно чаще имя «Гофман» употребляется в контексте обсуждения предмета его исследований. Гофман выступает в роли первооткрывателя новых исследовательских областей, ссылка на его имя служит для легитимации интереса к проблемам, традиционно оставшимся за рамками социологических концептуализаций: от исследования порядков расстановки книг на полках в библиотеке до изучения пауз и понижений голоса в повседневных диалогах.

То же можно сказать и о работах Г. Зиммеля — они значительно лучше известны социологам, чья проблематика далека от традиционных вопросов социологии. Например, неудобным текстам Г. Зиммеля обязаны своим возникновением теоретические программы «социологии пространства» и «социологии вещей», с трудом вписывающиеся в канон дисциплины (поскольку далеки от базовой социологической концептуализации: о пространстве, как и о вещи, трудно говорить на языке социологии).

Отсюда возникающая в научном обиходе синонимия имени неудобного классика с неудобным предметом исследования: говорим «Гофман», подразумеваем «производство впечатлений», «психиатрические клиники» и «театральные представления». Имя «Гофман» в отличие от имен «Парсонс», «Гидденс» или «Бурдьё» отсылает не к теоретическим конструкциям и связанным с ними стилями социологического теоретизирования, а к самой проблемной области, исследование которой теперь легитимируется.

Таким образом, неудобная классика, хотя и лишена репрезентативности (классик признается классиком не потому, что за ним — подход, школа или теоретическая система), тем не менее, не лишена *референциальности*. Ее референция — это некоторая область исследований. Гофман признается классиком не столько потому, что современниками актуализируется его теория, сколько потому что само исследование повседневных порядков взаимодействия без ссылки на работы Гофмана выглядит необоснованным.

Идея репрезентативности дает нам возможность сформулировать ответ на исходный вопрос «Почему классика классична?». Идея референциальности позволяет понять, почему имя «Гофман» укоренено в повседневной научной коммуникации, хотя и лишено репрезентативности в том смысле, в каком ее не лишены имена «Дюркгейм», «Вебер», «Парсонс». И репрезентация (лежащая в основании удобной классики), и референция (отражающая специфику классики неудобной) — суть свидетельства знаковой природы классичности, проявления процесса означания, сигнификации.

Противопоставляя логику рецепции логике репрезентации (сейчас, конечно, правильнее было бы назвать ее логикой сигнификации, поскольку репрезентацией «знаковость» классики не исчерпывается), мы противопоставили социологизму иной, не социологистский способ рассуждения о классике. Но является ли такой способ социологическим? Не «выносит» ли он исследование в смежную дисциплинарную область? Не противопоставляем ли мы социологическому редукционизму другую форму редукционизма, применение которого в перспективе может оказаться для исследователя-социолога еще более неудовлетворительным?

До определенной степени эти опасения оправданны. Если логика рецепции распознает классику только в ее «социальном существовании» и редуцирует содержание классических работ к социальным обстоятельствам их усвоения, то логика означания от признания знаковой природы классичности легко переходит к изучению классики исключительно в ее текстуальном аспекте и редуцирует классичность к употреблению «имен» в коммуникации. Тогда «удобство» и «неудобство» того или иного классика оказываются просто разными модусами бытования знака — его имени.

Логика, названная нами первоначально «логикой репрезентации», получает солидное подкрепление при использовании теоретических ресурсов аналитической философии истории и многочисленных исследований семантики имени собственного в научных текстах. Однако подобный уход в исследования текстов и подмена одного редуционизма другим (редукция к текстуальному вместо редукции к социальному) менее всего способствует решению поставленной выше задачи: сформулировать социологический, но не социологистский способ рассуждения о природе классичности.

В силу специфической дисциплинарной маргинальности логика репрезентации так же неудобна для социологии, как и описанный с ее помощью феномен неудобной классики. Перспектива, позволяющая различить «удобное» и «неудобное» классическое наследие, сама неудобна — она с трудом вписывается в традиционный социологический способ разговора о природе классичности.

Такое «неудобство второго порядка» — неудобство исследования неудобств — не случайно. Это не совпадение и не «игра в самореферентность» в духе Никласа Лумана («Классики суть классики, потому что они классики. В современном употреблении для них характерна самореференция» (Luhmann 1984: 7)). Дело в том, что предложенная в настоящей работе логика исследования классичности выстроена на теоретическом фундаменте «приграничной» и крайне неудобной области социологической науки: *социологии повседневности*.

Феномен аппрезентации и социология повседневного обихода социологии

Вероятно, никого из читателей не ввела в заблуждение неумелая маскировка «логики репрезентации» под семиотическую перспективу анализа*. Выражения «референция», «бытование знака», «означение

* Во всяком случае, она не ввела в заблуждение участников семинара Института гуманитарных историко-теоретических исследований, на котором впервые были изложены приведенные выше аргументы.

имени», «семантика и прагматика имени классика» не открывают дороги новому междисциплинарному синтезу: исследованию социологической классики средствами «науки о знаках». Категориальный аппарат предложенного здесь анализа — «повседневный обиход науки», «стратегии самопрезентации», «рутинизация» классического наследия, «наличное знание» социологического теоретизирования — заимствованы из социологических концепций И. Гофмана и А. Шюца. Именно их теоретические разработки легли в основу логики репрезентации.

Вернемся к различению двух логик, проведенному нами на первом этапе анализа. Логика рецепции — неизменный атрибут социологического препарирования науки. Что является исходной аксиомой данного способа рассуждения? Имплицитное представление о науке как о *социальном институте*. Что составляет его основной методологический императив? Требование объяснения «социального социальным». Классика конвенциональна, потому что наука — лишь разновидность социального института наряду с церковью, политической системой и вооруженными силами. Социологизм в исследовании науки предлагает нам линию аргументации «от институтов», чем и обусловлен весь категориальный аппарат этого способа рассуждения.

Что является аксиомой логики репрезентации? Анализ научного знания в перспективе *повседневного обихода науки*, определенным образом фреймированной коммуникации, в которой разворачиваются стратегии презентации и самопрезентации, происходит контекстуализация и реконтекстуализация теоретических ресурсов. Основным методологическим императивом данной логики — *объяснение социального как связи повседневных и неповседневных «миров»*, мира идей и мира их социального обращения (без редукции одного к другому). Для исследования этой связи нами и привлекается тезис о знаковой природе классичности: имя классика понимается как «заместитель» его концепций в повседневном обиходе науки, сами же концепции принадлежат не повседневным порядкам коммуникации, а миру научной теории.

В основе такого понимания знаковой природы классичности лежит гуссерлевская идея «аппрезентации», введенная А. Шюцем в обиход социологии повседневности. Аппрезентация — феномен образования пар: «две или более данности интуитивно даются в единстве сознания, которое, по этой самой причине, конституирует два отличных друг от друга феномена как единство, независимо от того, направлено ли на них внимание» (Шюц 2004: 464). В шестом «Логическом исследовании» и первой главе «Идей» Гуссерль доказывает аппрезентативный характер вся-

кого знакового отношения. Чем понятие «аппрезентации» может помочь в исследовании природы классики?

Классичность, конститутивным признаком которой является «надындивидуальное значение, приписываемое некоторому лицу и его произведениям» (Кёнке), представляет собой аппрезентативное соотнесение высшего порядка — *символическую аппрезентацию*. Высшего, потому что апелляция к классику связывает актуальные ситуации научной коммуникации и трансцендентный мир научной теории. «Всем аппрезентативным соотнесениям, — пишет Шюц, — свойственна специфическая трансцендентность аппрезентируемого объекта по отношению к “здесь и сейчас” интерпретатора. Однако во всех случаях, за исключением символической аппрезентации, все три члена аппрезентативного соотношения — аппрезентирующий и аппрезентируемый члены пары и интерпретатор — принадлежат одному и тому же уровню реальности, а именно, верховной реальности повседневной жизни. Символическое же соотнесение характеризуется тем, что выходит за пределы конечной области значения повседневной жизни таким образом, что к ней относится только аппрезентирующий член соответствующей пары, тогда как аппрезентируемый член локализован в другой конечной области смысла, или, по терминологии Джемса, в другом субуниверсуме» (Там же: 513).

Этот «другой субуниверсум» в нашем случае — и есть «мир идей», аппрезентативно связанный с повседневным обиходом науки. Ситуация «здесь и сейчас», о которой идет речь, не тождественна ни ситуации написания текста, ни актуальному моменту и месту его прочтения. Научная коммуникация, опосредованная текстом, протекает, по выражению Шюца, в «квазинастоящем». Таким образом, «здесь и сейчас» автора трансцендентно ситуации «здесь и сейчас» читателя, но это не трансцендентность «высшего порядка». Нас связывает этот текст. Ситуация его написания и ситуация его прочтения вплетены в разные временные перспективы (перспективы автора и читателя), но эти перспективы могут быть синхронизированы, они обе берут начало в пересечении «живого настоящего» и космического времени.

Однако для «мира идей» (в частности — идеи феноменологической социологии повседневности) указания на временные перспективы автора и читателя данного текста нерелевантны. «Идея феноменологической социологии» — аппрезентируемый член пары, трансцендентный актуальным ситуациям повседневного обихода науки и доступный нам только благодаря символическому соотнесению. Что является аппрезентирующим членом данного отношения? «Метки», расставленные в тексте: «*живое настоящее*», «*квазинастоящее*», «*космическое время*»,

«аппрезентация», «конечная область смысла». Данные концепты соотносимы как с аппрезентируемым объектом («идеями феноменологической социологии»), так и друг с другом, и с именем Альфреда Шюца. Даже если бы со ссылки на это имя не начиналось настоящее рассуждение, «метки» недвусмысленно указали бы компетентному читателю на то, какой именно теоретический словарь здесь задействован и какое именно имя его маркирует.

Выше мы сформулировали кредо логики рецепции в исследованиях классичности: «теоретики прошлого стремятся убедить нас в непреходящей ценности своих работ, сообщить им статус трансцендентных, неподвластных времени объектов, но мы-то знаем, что за этим стоят скрытые социальные силы, поддерживающие существование науки как социального института». Логика репрезентации исходит из того, что «...классические имена суть аппрезентанты, представляющие идеи в повседневном обиходе науки; сами же эти идеи трансцендентны ситуациям коммуникации и несводимы к аппрезентирующим их именам, поскольку принадлежат иной конечной области смыслов». Соответственно, оба порядка — и порядок аппрезентируемых объектов («мир идей»), и порядок аппрезентантов («мир их социального обращения») — разные конечные области смысла, они автономны, самозаконны и не могут быть объяснены друг через друга. Отсюда неприемлемость всякой замкнутой модели классичности, основанной на формуле «Классика — это X, X должно объясняться через X».

Для логики репрезентации трансцендентность классических идей — не мнимая величина, не результат заговора наследников, ритуала классикализации или прихотливой игры «королевской свиты». Это необходимое условие существования классичности как таковой. В основании классичности лежит связь двух несводимых друг к другу, но некоторым образом связанных порядков. Каким образом связанных?

Проблема возникает именно с определением характера этой связи. А. Шюц радикально разводит мир научной теории и верховную реальность повседневной жизни, указывая на символическую аппрезентацию как на способ их соотнесения. Однако соотнесение это «односторонне»: социальная теория создает референцию повседневного мира, превращая социальные феномены в теоретические конструкты. Однако, выдвигая этот тезис, Шюц исключает возможность обратной референции — аппрезентативного отображения теоретических конструктов социальной науки в повседневном обиходе. В шюцевском проекте «мост» между миром идей и миром обыденных коммуникаций допускает движение только в одну сторону и это движение от повседневных взаимодействий — к символическим конструктам. Изучая «теоретиза-

цию рутины», Шюц не рассматривает «рутинизацию теории» — процесс, в котором происходит инкорпорирование теоретического знания в обыденную научную практику, превращение его в «наличное знание» социологической коммуникации.

Тем не менее, именно такая «рутинизация теории» лежит в основании повседневного обихода науки. Классические идеи обладают высокой «ликвидностью» и «свободным хождением» в социологическом дискурсе благодаря своей рутинизированности, приобретенной обыденности. Для социолога *естественно* объяснять ритуалы необходимостью поддержания солидарности, девиацию — сбоем в системе социального контроля, а знание о мире — социальной структурой общества, в котором это знание произведено. «Естественность» и самоочевидность подобных рассуждений — результат рутинизации классических теорий.

Итак, рутинизация теории и теоретизация рутины во многом симметричны: «мост» между миром идей и миром их социального обращения допускает движение в обе стороны. Мы вынуждены признать, что повседневный обиход науки создает такие же схематичные «отображения» теоретических конструктов (и вместе с ними — схематичные отображения классичности), как и мир науки; это реципрокное соотношение. Но теоретическая логика исследовательской программы А. Шюца исключает подобную возможность. Такой вывод угрожает сразу двум аксиоматическим допущениям феноменологической социологии: постулату о «замкнутости» конечных областей смысла и постулату об их иерархичности (мир повседневности образует верховную реальность, мир научной теории иллюзорен и в этом сравним с миром фантазмов, сновидений и галлюцинаций). «Относительно конечной области смысла, именуемой наукой, — пишет Шюц, — напомним утверждение Уайтхеда, что необходимой предпосылкой развития современных естественных наук было создание “идеально изолированной системы”» (Шюц 2004: 515). Социальные науки следуют тем же путем, стремясь к самореферентности, замкнутости, изолированности.

Связь двух изолированных конечных областей смысла — это не связь сообщающихся сосудов. В противном случае, о них нельзя было бы говорить как о *конечных* областях. «Конечность областей смысла, — отмечает Шюц в другой своей работе, — предполагает, что не существует возможности соотносения одной из этих областей с другой путем введения формулы трансформации» (Там же: 426). Соотносение это, по Шюцу, носит характер односторонней символической аппрезентации, но нет никакой «формулы преобразования», допускающей взаимное соотношение, устанавливающей симметричность процессов теоретизации рути-

ны и рутинизации теории. Для Шюца даже понятие «повседневного обихода науки» сомнительно — либо это повседневный обиход, и тогда он принадлежит миру повседневности, либо это мир науки и тогда его содержание составляют символические конструкции и отстраненные созерцания. Шюцевская социология повседневности немного может сказать о повседневности социологии.

Если для Шюца всякий поиск «формулы трансформации», устанавливающей двустороннее отношение между миром науки и миром повседневности, — априорно бессмысленное предприятие, то для Ирвинга Гофмана это фундаментальная теоретическая задача. Задача, которую Гофман решает с помощью описывавшегося выше понятия «переключения», «транспонирования». Содержание повседневной рутины трансформируется (преобразование, аналогичное музыкальному транспонированию) в содержание научной теории, а содержание научной теории — в содержание повседневного обихода науки. Понятие переключения — в отличие от понятия символической аппрезентации — допускает двустороннюю транспозицию.

Однако теперь неясно, что из транспонируемого является «моделью», а что «оригиналом»? Схематизация повседневного мира в теоретической модели симметрична схематизации теоретической модели в повседневном обиходе науки. Для Шюца безусловным онтологическим статусом обладает лишь мир повседневности, тогда как научная теория — его символическая имитация; Гофман же в итоге своего исследования приходит к радикально релятивистскому выводу: «...любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования чего-то такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает *отношение*, а отнюдь не субстанция». Какое отношение?

Г. Бейтсон вслед за А. Кожибским назвал это отношение «отношением карты и территории» или структурно-метафорическим отношением. Какой из двух субуниверсумов теперь является «картой», а какой «территорией», уже не столь важно. Повседневные взаимодействия картографируются ученым и схематично отображаются на «карте» социальной теории; социальная теория становится достоянием регулярных коммуникаций в повседневном обиходе науки, которые оставляют от нее лишь «остов» (инкорпорирующуюся в наличное знание последующего теоретизирования логику аргументации). Формула трансформации в данном случае — это формула «двойного переключения». И двойной схематизации. Фигура классика в результате оказывается одновременно и условием, и объектом такого двойного переключения-картографирования.

Подобным образом устанавливаются отношения репрезентации между именем классика и приписываемой ему теоретической схемой. Во всяком случае, так выглядит это отношение «в норме», а потому нарушение принципа «двойного переключения» (которое мы наблюдаем в результате канонизации неудобных авторов) пробуждает к жизни многочисленные революционизирующие и ассимилирующие прочтения.

Литература

Вахитайн В.С. Социологическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2004. Т.4. № 1.

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2005.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: НЛЮ, 2009.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.

Aronoff J. "Relations in Public: Microstudies of the Public Order" by Erving Goffman // The Sociological Quarterly. 1973. No 14. Winter.

Berman M. Weird but Brilliant Light on the Way We Live Now // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. London: Sage Publications, 2000. Pp. 135–143.

Bourdieu P. Erving Goffman: Discoverer of the Infinitely Small // Theory, Culture and Society. 1983. Vol. 2. No 1.

Collins R. A sociological guilt trip. Comment on Connel // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 102. No 6.

Connel R.W. Why is classical theory classical? // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 102. No 6.

Fine G.A., Manning Ph., Smith G.W.H. Introduction // Erving Goffman: Vol. I / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000.

Geertz C. Local knowledge. New York: Basic Books, 1983.

Georg Simmel, 1858-1918 / Ed. by K.H. Wollf. Columbus, 1958.

Giddens A. Goffman as a Systematic Theorist // Erving Goffman: Exploring the Interaction Order / Ed. by P. Drew, A. Wotton. Cambridge: Polity Press, 1988.

Gonos G. "Situation" versus "Frame": The "Interactionist" and the "Structuralist" Analysis of Everyday Life // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. IV. London: Sage Publications, 2000.

Gouldner A. Other Symptoms of the Crisis: Goffman's Dramaturgy and Other New Theories // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. I. London: Sage Publications, 2000.

Joas H. Rollen- und Interaktionstheorien in der Sozialisationsforschung // Neues Handbuch der Sozialisationsforschung / K. Hurrelman, D. Ulich. Weinheim, 1991.

Köhnke K. Der junge Simmel in Theoriebeziehungen und sozialen Bewegungen. Fankfurt a.M.: Suhrkamp, 1996.

- Latour B.* Gabriel Tarde and the end of the Social // The Social in Question / Ed. by P. Joyce. London: Routledge, 1999.
- Lemert Ch.* "Goffman" // The Goffman Reader / Ed. by Ch. Lemert, A. Branaman. Malden: Blackwell, 1997.
- Lepenies W.* Die Drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1988.
- Levine D.N.* Simmel and Parsons Reconsidered // American Journal of Sociology. 1991. Vol. 96. No 5.
- Luhmann N.* Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.
- Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1967.
- Wagner G.* Emile Durkheim und Der Opportunismus // Jahrbuch für Soziologiegeschichte, 1995.
- Weinstein M., Weinstein D.* Postmodernized Simmel. London: Rotledge, 1993.